

Максим Горький

В. Г. Короленко

Максим Горький В. Г. Короленко

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=640265

Аннотация

«Когда я вернулся в Нижний из Тифлиса, – В. Г. Короленко был в Петербурге...»

Максим Горький

В. Г. Короленко

Когда я вернулся в Нижний из Тифлиса, – В. Г. Короленко был в Петербурге.

Не имея работы, я написал несколько маленьких рассказов и послал их в «Волжский Вестник» Рейнгардта, самую влиятельную газету Поволжья, благодаря постоянному сотрудничеству в ней В. Г.

Рассказы были подписаны М. Г. – или Г-ий, – их быстро напечатали, Рейнгардт прислал мне довольно лестное письмо и кучу денег, около тридцати рублей. Из каких-то побуждений, теперь забытых мною, я ревниво скрывал свое авторство даже от людей очень близких мне, от Н. З. Васильева и А. И. Ланина; не придавая серьезного значения этим рассказам, я не думал, что они решат мою судьбу. Но Рейнгардт сообщил Короленко мою фамилию, и, когда В. Г. вернулся из Петербурга, мне сказали, что он хочет видеть меня.

Он жил все в том же деревянном доме архитектора Лемке на краю города. Я застал его за чайным столом в маленькой комнатке окнами на улицу, с цветами на подоконниках и по углам, с массой книг и газет повсюду.

Жена и дети, кончив пить чай, собирались гулять. Он показался мне еще более прочным, уверенным и кудрявым.

– А мы только что читали ваш рассказ «О чиже» – ну,

вот, вы и начали печататься, поздравляю! Оказывается, вы – упрямый, все аллегории пишете? Что же, – и аллегория хороша, если остроумна, и упрямство – не дурное качество...

Он сказал еще несколько ласковых слов, глядя на меня прищуренными глазами. Лоб и шея у него густо покрыты летним загаром, борода – выцвела. В сарпинковой рубаше синего цвета, подпоясанной кожаным ремнем, в черных брюках, заправленных в сапоги, он, казалось, только что пришел откуда-то издалека и сейчас снова уйдет. Его спокойные умные глаза сияли бодро и весело.

Я сказал, что у меня есть еще несколько рассказов и один напечатан в газете «Кавказ».

– Вы ничего не принесли с собой? Жаль. Пишете вы очень своеобразно. Не слажено все у вас, шероховато, но – любопытно. Говорят – вы много ходили пешком? Я тоже, почти все лето, гулял за Волгой, по Керженцу, по Ветлуге. А вы где были?

Когда я кратко очертил ему путь мой, он одобрительно воскликнул:

– Ого? Хорошая путина! Вот почему вы так возмужали за эти три года почти! И силищи накопили, должно быть, много?

Я только что прочитал его рассказ «Река играет» – он очень понравился мне и красотой, и содержанием. У меня было чувство благодарности к автору, и я стал восторженно говорить о рассказе.

В лице перевозчика Тюлина Короленко дал – на мой взгляд – изумительно верно понятый и великолепно изображенный тип крестьянина «героя на час». Такой человек может самозабвенно и просто совершить подвиг великодушия, а вслед затем изувечить до полусмерти жену, разбить колом голову соседа. Он может очаровать вас добродушными улыбками и сотней сердечных слов, ярких, как цветы, и вдруг, без причины, наступить на лицо вам ногою в грязном сапоге. Как Козьма Минин, он способен организовать народное движение, а потом – спиться с круга, «скормить себя вшам».

В. Г. выслушал мою путаную речь, не прерывая, внимательно присматриваясь ко мне – это очень смущало меня. Порою, он, закрыв глаза, пристукивал ладонью по столу, а потом встал со стула, прислонился спиной к стене и сказал, усмехаясь добродушно:

– Вы преувеличили. Скажем проще: рассказ удачный. Этого достаточно. Не утаю – мне самому нравится он. Ну, а таков ли мужик вообще, каков Тюлин, – этого я не знаю! А вот вы хорошо говорите, выпукло, ярко, крепким языком, – на-те вам в оплату за вашу похвалу! И чувствуется, что видели вы много, подумали немало. С этим я вас от души поздравляю. От души!

Он протянул мне руку с мозолями на ладони, – должно быть, от весел или топора, – он любил колоть дрова и вообще физический труд.

– Ну, расскажите, что видели?

Рассказывая, я коснулся моих встреч с различными искателями правды, – они сотнями шагают из города в город, из монастыря в монастырь по запутанным дорогам России.

Глядя в окно, на улицу, Короленко сказал:

– Чаще всего они – бездельники. Неудавшиеся герои, противно влюбленные в себя. Вы заметили, что почти все они – злые люди. Большинство их ищет вовсе не «святую правду», а легкий кусок хлеба и – кому бы на шею сесть?

Слова эти, сказанные спокойно, поразили меня сразу, открыв предо мною правду, которую я смутно чувствовал.

– Хорошие рассказчики есть среди них, – продолжал Короленко. – Богатого языка люди! Иной говорит, как шелками вышивает.

«Искатели правды», «взыскующие града» – это были любимые герои житийной народнической литературы, а вот Короленко именуется их бездельниками, да еще и злыми. Это звучало почти кощунством, но в устах В. Г. продуманно и решенно. И слова его усилили мое ощущение душевной твердости этого человека.

– На Волыни и в Подольи – не были? Там – красиво!

Сказал я ему о моей насильственной беседе с Иоанном Кронштадтским, – он живо воскликнул:

– Как же вы думаете о нем? Что это за человек?

– Человек искренно верующий, как веруют иные – не мудрые – сельские попики хорошего, честного сердца. Мне кажется – он испуган своей популярностью, тяжела она ему, не

по плечу. Чувствуется в нем что-то случайное и, как будто, он действует не по своей воле. Все время спрашивает бога своего: так ли, Господи? и всегда боится: не так.

– Странно слышать это, – задумчиво сказал В. Г.

Потом он сам начал рассказывать о своих беседах с мужиками Лукоянова, сектантами Керженца, великолепно, с тонким, цепким юмором, подчеркивая в речах собеседников забавное сочетание невежества и хитрости, ловко отмечая здравый смысл мужика и его осторожное недоверие к чужому человеку.

– Я иногда думаю, что нигде в мире нет такой разнообразной духовной жизни, как у нас на Руси. Но если это и не так, то во всяком случае характеры думающих и верующих людей бесконечно и несоединимо разнообразны у нас.

Он веско заговорил о необходимости внимательного изучения духовной жизни деревни.

– Этого не исчерпывает этнография, – нужно подойти как-то иначе, ближе, глубже. Деревня – почва, на которой мы все растем и много чертополоха, много бесполезных сорных трав. Сеять «разумное, доброе, вечное» на этой почве надо так же осторожно, как и энергично. Вот я, летом, беседовал с молодым человеком, весьма неглупым, но он серьезно убеждал меня, что деревенское кулачество – прогрессивное явление, потому что, видите ли, кулаки накапливают капитал, а Россия обязана стать капиталистической страной. Если такой пропагандист попадет в деревню...

Он засмеялся.

Провожая меня, он снова пожелал мне успеха.

– Так вы думаете – я могу писать? – спросил я.

– Конечно! – воскликнул он несколько удивленно. – Ведь вы уже пишете, печтаетесь, – чего же? Захотите посоветоваться – несите рукописи, потолкуем...

Я вышел от него в бодром настроении человека, который, после жаркого дня и великой усталости, выкупался в прохладной воде лесной речки.

В. Г. Короленко вызвал у меня крепкое чувство уважения, но – почему-то – я не ощутил к писателю симпатии, и это огорчило меня. Вероятно, это случилось потому, что в ту пору учителя и наставники уже несколько тяготили меня, мне очень хотелось отдохнуть от них, поговорить с хорошим человеком дружески – просто, не стесняясь ни с чем, о том, что беспощадно волновало меня. А когда я приносил материал моих впечатлений учителям, они кроили и сшивали его сообразно моде и традициям тех политико-философских форм, закройщиками и портными которых они являлись. Я чувствовал, что они совершенно искренно не могут шить и кроить иначе, но я видел, что они портят мой материал.

Недели через две, я принес Короленко рукописи сказки «О рыбаке и фее» и рассказа «Старуха Изергиль», только что написанного мною. В. Г. не было дома, я оставил рукописи и на другой же день получил от него записку:

«Приходите вечером поговорить. Вл. Кор.».

Он встретил меня на лестнице с топором в руке.

– Не думайте, что это мое орудие критики, – сказал он, потрясая топором, – нет, это я полки в чулане устраивал. Но – некоторое усекновение главы ожидает вас...

Лицо его добродушно сияло, глаза весело смеялись и, как от хорошей, здоровой русской бабы, от него пахло свежее выпеченным хлебом.

– Всю ночь – писал, а после обеда уснул, проснулся – чувствую: надо повозиться!

Он был непохож на человека, которого я видел две недели тому назад; я совершенно не чувствовал в нем наставника и учителя; передо мной был хороший человек, дружески внимательно настроенный ко всему миру.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.